

народа — он призывает Жанну к подвигу, а потом называет ведьмой и бросает в костёр; судей, изображённых авторами аллегорическим зверинцем — Свиной (обыгрывалась фамилия судьи-епископа Кошон, *cochon* по-французски «свинья»), Ослом и баранами; святых — Катерины, Маргариты и Девы Марии, ободряющих Жанну. Музыка Онеггера, составляющая плоть спектакля, вобрала в себя многое из того, что накопило музыкальное искусство к первой половине XX века: григорианский хорал соседствует здесь с хоровой полифонией, народные песни — подлинные и сочинённые композитором — с пародией на оперную ариозность и джазовые ритмы, легкожанровые мотивы с прозрачной лирикой.

В тюремной камере перед страшной казнью Жанна абсолютно одинока среди звучащих голосов. Она бродит вдоль стен, вытаскивает на сцену мёртвого бутафорского коня, на котором скачет, лёжа на боку, вспоминая себя в пылу битвы, выдёргивает кран из батареи на стене и, подставляя лицо под струи воды, ощущает их каплями майского дождя. Каstellуччи показывает зрителю одиночество — бесконечное, как космос. Хочешь помочь — и не можешь, ведь это только спектакль, а ты всего лишь зритель. Наверное, то же чувствовал Арсений Тарковский, написавший:

«Пусть меня простит

Винсент Ван Гог

За то, что я помочь ему не мог,

За то, что я травы ему под ноги

Не постелил на выжженной дороге,

За то, что я не развязал шнурков

Его крестьянских пыльных

башмаков,

За то, что в зной не дал ему

напиться,

Не помешал в больнице

застрелиться».

Героиня вечера, наравне с Жанной, безусловно, исполнительница этой роли Одри Бонне. Что такое для артистки провести весь спектакль обнажённой, можно только представить. Но насколько целомудренны и красивы были любые движения актрисы! Это была не та красавица, что заучивается перед зеркалом, то была подлинная красота,

